

**К РЕКОНСТРУКЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ПСЕВДОЭТИМОЛОГИЧЕСКОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ
(на материале готского перевода Библии)**

*Работа представлена кафедрой немецкой филологии
Иркутского государственного лингвистического университета.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Ю. М. Малинович*

В статье обсуждается вопрос о прогнозировании результатов псевдоэтимологической интерпретации заимствованных имен собственных в готском переводе Библии. Выдвигается гипотеза, что в языковом сознании аудитории перевода могли возникнуть вторичные фоносемантические ассоциации между эпитетом Христа гот. Nazoraius «Назорей» и производными исконного глагола гот. *ga-nazjan «спасать».

The article deals with hypothetical results of folk-etymological interpretation of foreign proper names in the Gothic Bible. The author suggests that the language consciousness of native speakers could have established secondary phonosemantic links between the epithet of Christ «Nazoraius» (Go. «Nazarene») and derivatives of the inherited verb «*ga-nazjan» (Go. «to save»).

Исследователи литературных памятников эпохи смены религии давно обратили внимание на то, что взаимодействие двух мировоззренческих систем очень часто ведет к своеобразному удвоению содержательного плана языка, что влекло за собой и удвоение семантики текста¹. В древнегерманских письменных памятниках, созданных в период христианизации, этот дуализм смысла часто реализовывался в использовании традиционных средств выражения сакрального (например, архаичных поэтических формул) для передачи принципиально новых религиозных идей. Реконструкция семантического поля текста в этих случаях начинается с установления генеалогии и референциальной соотнесенности тех или иных средств выражения посредством проведения этимологических и типологических параллелей.

В более сложное положение попадает исследователь при попытке выявить «второй план» содержания текстов, представляющих буквальный, в соответствии с нормами того времени, перевод сакральных

текстов с другого языка. Раскрытие всей совокупности смыслов такого текста, актуализировавшихся в сознании современников, требует реконструкции не только семантических, но и ассоциативных и коннотативных полей отдельных единиц релевантной лексики перевода. Такая реконструкция, требуя привлечения значительного объема экстралингвистических данных, часто обречена в некоторых своих пунктах остаться недоступной для объективной проверки, т. е. из умозрительной, пусть и весьма убедительной, гипотезы перейти в разряд научно доказанных фактов. Особенно характерно это для готского языка, от письменной традиции которого до нас дошли лишь фрагменты перевода Библии и тесно связанные с ним в плане религиозного мировоззрения языковые маргиналии. Таким образом, исследователь лишен возможности непосредственно сравнивать языческое и христианское словоупотребление, оставаясь в рамках готского языка, и вынужден либо выйти за эти рамки, что чревато привнесением в готский материал

того, чего там никогда не было, либо смириться с гипотетичностью своих построений. Нами было предложено методологическое решение проблемы поиска в самом тексте дополнительных индикаторов, указывающих на актуальные для его аудитории смысловые трактовки и позволяющие нам максимально приблизиться к верификации проводимых семантических и концептуальных сближений².

Одним из эффективных практических методов объективации скрытой семантики имен собственных готского перевода Библии является, по нашему мнению, реконструкция результатов их реконцептуализации в рамках актуального языкового сознания на базе так называемой народной этимологии. При этом мы исходим из того, что заимствованное имя собственное, являясь, по сути, инородным вкраплением в языковой среде перевода и оставаясь для новой аудитории «вещью в себе», ускользающей от эксплицитной интерпретации, в силу когнитивной природы человеческого мышления должно было рано или поздно обрати вторичными семантическими ассоциациями. Возникновение этих ассоциаций происходило в процессе встраивания заимствованных имен в лексико-семантическую и грамматическую систему языка-рецептора, при этом важным средством доместикации заимствований было их соотнесение с исконной лексикой. В качестве связующего элемента здесь чаще всего выступает внешняя (фонетическая) форма слова. Как показывают наши исследования, именно из анализа фонетической формы слова нужно исходить при реконструкции этого пласта имплицитной семантики³. Поиск в исконной лексике языка апеллятивных омонимов, которые могли служить отправной точкой процесса народно-этимологической реинтерпретации имен собственных, позволяет выдвинуть рабочие гипотезы о существовании семантических ассоциаций между этими апеллятивами и соответствующими именами собственными. Для проверки полученных таким образом гипотетических

ассоциативных пар необходимо провести семантический анализ контекстов словоупотребления, при необходимости прибегая к реконструкции утраченных фрагментов текста. В случае обнаружения достаточного количества индикаторов, подтверждающих выдвинутые ранее гипотезы, можно постулировать высокую вероятность существования реконструированных семантико-ассоциативных связей в исторический период.

Воспользуемся вышеописанными приемами при реконструкции результата народно-этимологического толкования эпитета «Назорей» на почве готского языка.

Рукописи готского перевода Нового Завета (НЗ) фиксируют две синонимичные формы – Nazoraius и Nazorenum, являющиеся транслитерацией соответствующих форм греческого оригинала – Ναζωραῖος ‘Назорей’ и Ναζαρῆνος ‘Назарянин’⁴. В дошедших до нас фрагментах данные формы встречаются девять раз (Мф. 26.71; Мк. 1.24; 10.47; 14.67; 16.6; Лк. 4.34; 18.37; Ин. 18.5; 18.7).

В тексте НЗ рассматриваемое имя является устойчивым эпитетом Христа, производным от названия его места рождения – городка Назарет (*др.-евр.* נָצָר [nāšərat]; *греч.* Ναζαρέτ, варианты Ναζαρὲα (Мф. 4.13), Ναζαρὲ Θ (passim); *лат.* Nazareth; *гот.* Nazaraю). Этимология этого топонима до конца не выяснена, хотя традиционно (впервые у Евсевия) было принято объяснять его через *др.-евр.* נֵשֶׁר [nēšer] ‘молодая ветвь’, ‘потомок’, ‘отпрыск’, в согласии с ветхозаветным пророчеством о грядущем Мессии (Ис. 11.1 и 60.21)⁵.

Наличие двух конкурирующих форм, а также отдельные неясности употребления этого эпитета в тексте не раз давали повод для иных толкований его смысла. Так, апокрифическое Евангелие от Филиппа из гностической библиотеки Наг-Хаммади (II кодекс, 51.29–86.19) производит имя «Назарянин» от слова nazara ‘истина’⁶. В рамках ортодоксального христианства весьма популярным было (и остается) сбли-

жение эпитета Ναζωραῖος с ветхозаветным ναζίραῖος ‘назорей’⁷, обозначавшим еврея, принявшего на себя обет аскетизма, который включал в себя обязательства воздерживаться от употребления продуктов виноградарства, не стричь волос на голове и не прикасаться к телам мертвых (Чис. 6.1–20).

В эпоху раннего христианства имя «Назореи» (мн. ч.) было самоназванием небольшой иудеохристианской секты, члены которой, согласно свидетельствам авторов IV в., признавали Иисуса Мессией и при этом настаивали на соблюдении требований иудейского Закона⁸. Возможно, именно отсюда произошло распространенное наименование христиан в языках Ближнего Востока: др.-евр. נָזֵר [nəz̚er], арам. נָזֵר [nəz̚erāyā(‘)], араб. اَذْنَاصِرِيَّ [aznāṣirī]⁹.

Как видим, уже во времена зарождения христианства эпитет «Назорей», «Назарянин» часто воспринимался носителями традиции как имя, смысл которого не исчерпывается, а иногда и не имеет ничего общего с его этимологией как производного от топонима «Назарет». При этом новые трактовки часто основывались на созвучии этого слова с лексикой (иногда фантомной – см. гностическое «еврейское» nazara) соответствующих языков, позволявших выстраивать между ними семантические ассоциации, т. е. на народной этимологии. С учетом закономерностей процесса псевдоэтимологизации постараемся гипотетически спрогнозировать его результат в случае с именем Nazoraius на почве готского языка.

Нам представляется, что реконцептуализация этого заимствованного имени в рамках готского языкового сознания могла иметь своим следствием сближение формы Nazoraius с исконным этимологическим гнездом лексики, сгруппированной вокруг глагола гот. nasjan (= греч. σωζειν ‘спасти’ (ga-nasjan тж. διασωζειν ‘idem’, (Лк. 6.19) ganasida = греч. ιατό ‘исцелил’) и включающим в себя, помимо него, производные лексемы naseins (= греч. σωτηριον, σωτηρια) ‘спасение’ и nasjands (= греч. σωτηρ) ‘спаситель’. Глагол (ga-)nasjan, в свою очередь,

является формой каузатива от глагола ga-nisan, переводящего в Библии греч. σωζεσθαι ‘спастись’, ‘быть спасенным’, ‘выздороветь’.

При оценке возможности сближения Nazoraius и nasjan на основании сходства их фонетической структуры необходимо учесть, что в готском языке существовал вариант каузатива от ga-nisan со звонким согласным по закону Вернера *ga-nazjan, о чем свидетельствует результат его заимствования из готского в славянский в форме gonoziti, переводящей в старославянских памятниках все то же греч. διασωζειν¹⁰. Непосредственным псевдоэтимоном для Nazoraius, по нашему мнению, могла стать форма nomen agentis от *(ga-)nazjan, образованная с помощью суффикса -areis, а именно *nazareis (библ.-гот. *nasareis), с семантикой, идентичной засвидетельствованному nasjands, т. е. ‘спаситель’. Деривация имен действующего лица с помощью суффикса -areis от слабых глаголов 1-го класса в готском языке хорошо документирована: гот. laisareis (= греч. διδασκαλος) ‘учитель’ от глагола laisjan (= греч. διδασκειν ‘учить’; sokareis (= греч. συζητητης) ‘исследователь’ (синод. ‘совопросник’ в 1 Кор. 1.20) от sokjan (= греч. (ανα-, επτι-ε κ-, συ-)ζητειν, αιτειν) ‘искать’, ‘требовать’. Характерно, что, по наблюдениям специалистов, суффикс -areis, будучи по происхождению заимствованием лат. -arius, оформлял в основном слова «книжные», «ученые»¹¹. Аналогичная ситуация прослеживается и в других древнероманских языках, где этот же суффикс (др.-а. -еге, др.-сев. -арі, др.-в.-н. -ари) получил широкое распространение в особенности после принятия христианства и появления переводной литературы¹². Использование его, наряду с исконным причастным окончанием гот. -nds, для образования от глагола nasjan слова со значением ‘спаситель’, являющегося, по сути, христианским terminus technicus, представляется поэтому весьма вероятным¹³.

Дополнительным аргументом в пользу выдвинутого предположения служит стати-

стика употребления слова *nasjands* в тексте готского перевода. Из десяти случаев его появления в дошедших до нас фрагментах НЗ на готском языке пять (Лк. 2.11; Еф. 5.23; Фил. 3.20; 2 Тим. 1.10; Тит. 1.4) относятся к Иисусу Христу, два (Лк. 1.47; 1 Тим. 1.1) – к Богу Отцу, и оставшиеся три (1 Тим. 2.3; 1 Тим. 4.10; Тит. 1.3) – к Богу без эксплицитного указания на конкретное лицо Троицы. Статистика по не сохранившимся в готском переводе частям НЗ такова: Иисус Христос – одиннадцать референций (Ин. 4.42; Деян. 5.31; 13.23; Тит. 2.13; 3.6; 2 Петр. 1.1,11; 2.20; 3.2,18; 1 Ин. 4.14), Бог Отец – две (Тит. 3.4; Иуд. 1.25). В *Skeireins* (фрагментах готского комментария на Евангелие от Иоанна), представляющих, возможно, пример оригинального теологического трактата на готском языке¹⁴, все шесть случаев употребления *nasjands* (*Skeir.* 1.2,6; 2.2,8; 4.2; 5.8) относятся исключительно к новозаветному Мессии. Как видим, эпитет ‘спаситель’ (*греч. σωτήρ, лат. salvator, гот. nasjands, *nazareis*) в НЗ характеризует преимущественно Иисуса Христа. Таким образом, заимствованная лексема *Nazoraius* ‘Назорей’ и реконструированная нами **nazareis* ‘спаситель’ в рамках новозаветного дискурса оказываются референциально тождественными.

Возникает вопрос, насколько продемонстрированная формальная и содержательная близость эпитета *Nazoraius* и производных глагола *ga-nasjan* (**ga-nazjan*) могла обусловить выбор готским переводчиком именно этого этимологического гнезда для передачи соответствующих значений в НЗ. Рассмотрим данные родствен-

ных языков. В западногерманском ареале, исключая этнически уникальные наименования и поэтические *нарах’ы*, в значении ‘спаситель’ конкурируют в основном *nomina agentis*, производные от двух общегерманских глаголов: **χailjanan* и **nazjanan* – *ðr.-a. h̄klend* и *neriend*; *ðr.-c. h̄eliand* и *neriand*; *ðr.-v.-n. heilant(o)*, *heilāri* и *neriento* соответственно. Если высказанное выше предположение о влиянии новозаветного эпитета Христа «Назорей», «Назарянин» на выбор лексемы со значением ‘спаситель’ имеет под собой хоть какие-нибудь основания, то очевидно, что фонетическая основа для такого влияния имеется только в готском, вследствие отсутствия в этом языке ротализма (перехода *z > r*). Можно предположить, что западногерманские соответствия гот. *nasjands* ‘спаситель’ обязаны своим появлением влиянию готского перевода Библии на христианскую терминологию других древнегерманских языков, в то время как производные о.-герм. **χailjanan* представляют собой местное западногерманское новообразование, вызванное миссионерскими потребностями.

Итак, данные нашего анализа не противоречат выводу о том, что заимствованная лексема *Nazoraius* ‘Назорей’ в процессе псевдоэтимологической реинтерпретации могла формально сблизиться, а, в пределе, и полностью омонимизироваться с исконным готским существительным **nazareis* ‘спаситель’ на почве их исходной фонетической близости и продемонстрированного референциального тождества обеих лексем в контексте НЗ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. Константы мировой культуры: алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М.: Наука, 1993. С. 26–27.

² Коробов М. И. Interpretatio Germanica имен собственных в готском переводе Библии: к прикладному аспекту методологии исследования // Антропологическая лингвистика-2. Вестник ИГЛУ. Сер. Антропологическая лингвистика. Иркутск: ИГЛУ, 2007. № 5 (in print).

³ Коробов М. И. Gaianna и Ginnungagap: диффузия мифологем в эпоху смены религии // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Новосибирск: НГУ, 2007. Т. 5. Вып. 2. С. 87–88.

⁴ Гот. Nazorenus при греч. Ναζαρηνος и лат. Nazarenus, вероятно, отражает вариант написания Ναζωρηνος (вследствие контаминации с Ναζωραιος – ?) в греческой рукописи, послужившей оригиналом готского перевода. Вильгельм Штрайтберг в своем словаре дает именно последнюю форму как соответствие гот. Nazorenus (*Streitberg W. Gotisch-griechisch-deutsches Wörterbuch // Die gotische Bibel. Herausg. von Wilhelm Streitberg. 2. Teil. Heidelberg: Carl Winter, 1910. S. 99*). Не исключено, однако, что данная орфографическая контаминация могла произойти уже в языке готской письменности. Ее результат ни в коем случае не стоит смешивать с возможным результатом нардо-этимологической реинтерпретации этого слова в разговорном готском.

⁵ Именно с этим пророчеством христианская традиция соотносит стих Мф. 2,23 καὶ ἐλθὼν κατώκησεν εἰς ττύλινλεγον ἄνην Ναζαρ ἐπ ὅττιος ττληροθῆ τόρηθὲν διὰ τῶν ττροφητῶν ὅτι Ναζαραιος κληθήσε ται‘ι, приди, поселился в городе, называемом Назарет, да сбудется реченное через пророков, что Он Назореем наречется’ (Библейская Энциклопедия / Сост. архим. Никифор. М., 1891. С. 500).

⁶ Для иллюстрации принципов толкования имен в гностической среде интересно процитировать этот фрагмент Евангелия от Филиппа целиком: 47. «Апостолы, которые были до нас, называли <его> так: Иисус Назарейнин Мессия, то есть Иисус Назарейнин Христос. Последнее имя – Христос. Первое – Иисус. То, которое в середине, – Назарейнин. Мессия имеет два значения: и Христос, и измеренный. Иисус – по-еврейски искупление. **Назара – истина. Назарейнин – < тот, кто > от истины.** Христос – тот, кто измерен. Назарейнин и Иисус – те, которые измерены» (Апокрифы древних христиан: исследование, тексты, комментарии / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Ин-т науч. атеизма. М.: Мысль, 1989. С. 280–281). Ср. с этим позднейшую арабскую псевдоэтиологию топонима: **اذناصرة [an-Nasira]** ‘Назарет’, букв. ‘победоносный’.

⁷ Др.-евр. נָזִיר [nâzîr], букв. ‘отделенный’, ‘посвященный’. В Септуагинте [АК] (ἡ Υιασμὲνος) ναζίραιον (Суд. 13.5), ναζίραιον (Суд. 13.7), ναζίραιος (Суд. 16.17); [ВК] дает чаще всего греческие парадфразы (напр., ἀγιος ‘святой’ в Суд. 16.17), но см.: ναζίρ (Суд. 13.5). В Вульгате слово транслировано как nazareus, с пояснением (Суд. 16.17): nazareus id est consecratus Deo ‘назорей, то есть посвященный Богу’.

⁸ Эпифаний, Панарион 29 (370 г. н. э.), св. Иероним, письмо 79 (к Августину). «Назареи», наряду с христианами, упоминаются и в среднеперсидской надписи зороастриского первосвященника Картира на «Каабе Зороастра» в Накш-и-Рустаме (III в. н. э.). С этим можно сравнить упоминание ‘Назорейской ереси’ (букв. ‘секты Назореев’, греч. της τὸν Ναζωραϊων αἱρ ἐσ εως) в Деян 24,5 – единственный в НЗ случай употребления Ναζωραϊος во мн. ч. и не по отношению к Иисусу.

⁹ Относительно возможного соотношения этих форм см.: Болотов В. В. <Заметки о Назарете> (публикация из архивных материалов РНБ) / Подгот. текста Л. А. Герд, Е. Р. Крючковой // *Colloquia classica et indogermanica – III. Классическая филология и индоевропейское языкознание*. СПб.: Наука, 2002. С. 429–430).

¹⁰ По всей видимости, данное слово было заимствовано славянами от готов еще до окончательного выравнивания в готском языке Вернеровского чередования звонких и глухих в глагольном формообразовании в пользу глухого спиранта (Жирмунский В. М. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М.; Л.: Наука, 1964. С. 100–102). Интересно словоиздание от заимствованной основы в старославянском, отчасти повторяющее готские паттерны помимо ст.-сл. *gonoziti* (< *ga-nazjan), в памятниках встречаются *goneznati* (quasi гор. *ga-naznan) *diaſwōz̄ esθai*, *laꝝnθāv̄ eꝝ*, *àttolauθāv̄ esθai*, *àttalλaſs̄eſθai*, *àttotuꝝχaſ̄ iv̄ k̄ ū e ꝑ* ‘освободиться’, ‘спастися’, ‘избавиться’, ‘избежать’; *gonažati* *àttalλaſs̄e* ꝑ ‘освобождать’ (Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Э. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес, Л. Пацнерова, М. Бауэрова. М.: Рус. яз., 1994. С. 174).

¹¹ Анацкий И. Н. Модели имени действующего лица в древнегерманских языках // Проблемы морфологического строя германских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 140.

12 Там же.

¹³ Ср. с этим зафиксированное в тексте готской Библии параллельное использование синонимичных *laisareis* (= греч. διδάσκαλος) ‘учитель’ и *talzjands* (= греч. θετιστάτης) ‘наставник’.

¹⁴ См., однако, мнение Курта Шефердика, согласно которому *Skeireins* является переводом греческой экзегезы Евангелия от Иоанна, написанной в IV в. епископом г. Гераклея Феодором (*Schäferdiek K. Die Fragmente der 'Skeireins' und der Johanneskommentar des Theodor von Herakleia // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur 110/3. 1981. S. 175–193*).